

Виктор Курьянов

Всё впервые

Байки и рассказы

Виктор Курьянов

Всё впервые

«Издательские решения»

Курьянов В.

Всё впервые / В. Курьянов — «Издательские решения»,

В основе рассказов — автобиографический материал, эпизоды из жизни автора и его знакомых. Что движет ребёнком, подростком? Что заставляет совершать те или иные поступки? Как он делает выбор на своём жизненном пути? Обо всём этом честно попытался вспомнить и рассказать автор.

Содержание

Байки	6
Нет документа – бродяга, если много – аферист!	6
Да, вас инженеров, как собак...	7
За взятие Бухареста!	8
Пьём с наркологом	9
Мой друг – литовец	10
Читайте договор!	11
Просветил!	12
Отшила!	13
Приз	14
Не жизнь – а сказка!	15
Ничего не помню	16
Рассказы	17
Я сделал море	17
Первые опыты жизни	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Всё впервые
Байки и рассказы
Виктор Курьянов

© Виктор Курьянов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Байки

Нет документа – бродяга, если много – аферист!

Аналогичный случай, как говаривал Швейк, произошел со мной в Самарканде в 1967 году. Только потерял я времени намного больше, чем Светлана Штеба, которая будучи в Нью-Йорке сначала для удобства сократила свое имя до Лана, потом не стала возражать официанту, который переспросив, назвал её Лена, а записал Глена. Она ждала кофе, а официант орал минут 10, когда эта чертова Глена заберет свой кофе.

Я же потерял не десять минут, а десять суток как тёмная личность. Произошло это так. Во-первых, я сам плохо произношу свою фамилию (картавлю), даже русские с трудом меня понимают, а уж узбеки тем более. Мне надоело, что меня по десять раз переспрашивают, поэтому, в очередной раз, сдавая сумку в камеру хранения на вокзале, я назвал приемщику всем понятную фамилию «Иванов». В этот же день поздно вечером меня задержал милицкий патруль (в первой поездке по Азии я ночевал на вокзалах). Забрали как бродягу без документов в отделение, – вещи и документы, чтобы не украли, я во всех городах сдавал в камеры хранения. Увидели жетон, привели на вокзал. Подаю жетон кладовщику, называю фамилию: «Иванов». Возвращаемся в отделение с вещами. Достают паспорт: «Курьянов», а студенческий билет вообще на третью фамилию. Выходит – жулик, да ещё матерый! Причем у меня, 17 – летнего парня, было с собой 1200 рублей. Большие деньги по тем временам и для взрослого.

Как рассказывал в камере уборщик служебных помещений, бродяга с легкой умственной отсталостью из Перми, начальник спецприемника, подполковник Вечорик, в первый день ходил по кабинету, довольно потирая руки: «Похоже, крупная птица попалась!».

Каждый день вызывал на беседы. Но, несмотря на явный компромат – подделка студбилета и нехорошая телеграмма из Томска – подполковник в меня и мои планы на будущее поверил, отпустил с миром.

Да, вас инженеров, как собак...

После окончания института в 1974 году получил направление в Обнинск. Ничего хорошего от распределения на работу не ждал, уже было намерение искать работу самому, чтобы получить жилье, но все-таки поехал. Все равно сначала надо было взять отказ, чтобы потом получить в министерстве «свободный диплом». Из Москвы в Обнинск доехал на электричке. Походил немного по городу, пообедал в ресторане. Город ничего интересного собой не представлял. Институт был огорожен колючей проволокой, что тоже симпатии не прибавило. Почитал объявления и приказы в холле, увидел фамилию соседки по общежитию в приказе о выгоне. Обеденный перерыв в институте закончился, и я зашёл в кабинет начальника отдела кадров.

– Вот моё направление, хотелось бы узнать о зарплате. И главное, какие перспективы на квартиру?

– Это тебе здорово повезло, что я после обеда, – ответил начальник, ковыряясь в зубах спичкой, – я вообще с молодыми специалистами не разговариваю! Вас инженеров, как собак нерезанных! Вот сейчас кинь палку в окно – в инженера попадешь!

Перспективы у тебя – 120 рублей оклад и койка в общежитии. Через пять лет получишь право стать в очередь на квартиру, если женишься. А вот, если бы ты был сантехником 5-го разряда или станочником, то тогда бы я с тобой и о зарплате поговорил, и о квартире.

– Ну, что же, хорошо. Напишите тогда отказ.

– А это с удовольствием!

За взятие Бухареста!

Пригласил меня как-то осенью 1974 года на охоту свойственник, муж моей двоюродной сестры. Дело было в Западной Сибири, охота предстояла на рябчиков. Погода стояла великолепная: тепло, солнечно, одним словом – золотая осень. Сашка подстрелил одного рябчика. Я же ничего не добыл – оказалось, что у старого ружья, которое мне дали, искривлённый ствол. Но набегался по сопкам, впервые испытал азарт охоты – был в восторге. Даже один рябчик – хозяйке пришлось добавить собственную курицу – придал густому супу с лапшой необыкновенный аромат. После изрядно выпитого количества водки хозяин дома решил показать мне семейный альбом, в те годы это была почти обязательная процедура, особенно при знакомствах, или при встрече друзей после разлуки.

Выпивать при этом мы не переставали. После фото каких-то, неизвестных мне, родственников и детей дошла очередь до фотографии хозяина в военной форме.

– А это я в Бухаресте, в 42-м году.

– Ну, тогда за взятие Бухареста! И мы тут же выпили.

– Только дядя Володя, с годом ты напутал, Бухарест мы не могли взять в 42-м году?

– Я и не брал. Меня в том году в армию призвали, привезли нас в Бухарест на обучение.

В первое увольнение пошел в фотоателье, чтобы послать снимки родителям и родственникам в деревню. И только тут, наведя пьяные глаза на резкость, я увидел, что форма – не наша! Оказалось, что дядя Володя воевал в румынской армии! И фамилия у него Маринеску, а Моряк это переделка на русский лад. В 43-м под Сталинградом попал в плен. Затем лагерь и ссылка в Нарым. Там женился на такой же ссыльной русской женщине, так и остался в Сибири.

Пьём с наркологом

Работая в Коломне фотографом, я иногда заходил в мастерскую по изготовлению фотоке-рамики, то есть фотографий клиентов на металлических или керамических овалах для памят-ников. Заказы выполнялись в течение 2—3 месяцев. Ну, а где дефицит, там возможность получить деньги сверх тарифа, за срочность. Поэтому «керамисты» выпивать начинали с утра. Соответственно, и друзья приходили такие же любители выпить. Как ни странно, был среди них и нарколог. И вот как он их воспитывал. Скинулись мы в очередной раз по рублю, водка тогда стоила 3—62 или 4—12. Нарколог взялся разлить, налил мне и себе, по 150 грамм, а Сереге и Володе по 100 грамм. Те с неподдельным изумлением уставились на него, ведь в пьющих ком-паниях к разливу относятся очень трепетно, сам ты можешь попросить налить себе поменьше, но без согласия и просьбы налить меньше – оскорбление. Сергей от обиды даже заикаться стал, но постарался выразиться культурно:

– Слава, а чей-то ты, это ты как-то неравномерно наплескал?

– Мы с Виктором – пьяницы, а вы алкоголики, вам много нельзя!

Мой друг – литовец

Пригласил меня как-то Шабунка на свою дачу – немного потрудиться. Не столько помощь ему была нужна, а просто одному скучно работать. Заехали на базар, он купил для нас свинины на шашлыки, ну а я, заодно, купил себе домой мясо на борщ. Свинину я замариновал, и чтобы мясо не испортилось, положил оба пакета, с шашлыком и куском говядины, в ведро под кран с холодной водой. На ворону, которая крутилась неподалёку, мы внимания не обратили. А зря! Твари они наблюдательные.

Через какое-то время мой друг закричал: «Чёрт, ворона вроде мясо стащила!» Гляжу, действительно, ворона в стороне дербанит полиэтиленовый пакет. Шабунка подбежал к ведру, поглядел и говорит: «Курьянов, это она твое мясо украла!» и пошел назад. Пришлось мне самому спускаться со второго этажа, отогнать ворону и укрыть мясо более надежно. Вот так относятся литовцы, столетиями жившие на хуторах, к чужой собственности.

Читайте договор!

Шабунка зарабатывал подрядами на строительные работы. Если конкретно, то красил водонапорные баки в колхозах и совхозах, сначала в Литве, а затем на просторах необъятной России. В юности он окончил техникум, поступал во ВГИК, хорошо знал литературу и русский язык, гордился этим знанием и всячески это подчеркивал. Но все это с литовским, а, может, с индивидуальным привкусом.

Так однажды, заключив договор, он попросил, чтобы деньги в кассе были в такой-то день после обеда, так как работу он сделает до обеда и ему надо ехать в другое место. Когда он пришел за деньгами, то директор удивился:

– Я послал главного инженера, проверить, он сказал, что вы покрасили только половину башни?!»

– Читайте договор, я Чеслав Юозович, с одной стороны, и директор колхоза, с другой стороны, обязуемся... Так что, с другой стороны, Вы должны красить!

Конечно же, он шутил. В это время ребята уже заканчивали работу.

Просветил!

Работал я тогда охранником в крупнейшем универмаге Коломны, назывался он «Супер-маркет». К одной из продавщиц на выходные приходил на работу сын, которого не с кем было оставить дома. Мы с ним подружились, все-таки веселее ходить по залу вдвоем, чем в одиночку. Хороший такой, голубоглазый и беловолосый, мальчик Сережа.

Как-то весной я вышел на крыльцо покурить, он, естественно со мной, ни на шаг не отходил. Над крыльцом, под навес набились голуби. Ур-ур-ур, бормочут что-то, крыльями бьют, от когтей скрежет стоит невыносимый!

– Да, что они там делают, с ума посходили, что – ли?!

Сережа, поднял голову и взглянул на меня с удивлением.

И с радостью, что представилась возможность отличиться:

– Дядя Витя, ты, что не знаешь? Да, трахаются они!

Отшила!

Мне моя соседка давно нравится, и с её стороны симпатия вроде имеется, но чувствуется какое-то смущение. И вот как неожиданно она со мной объяснилась, «отшила», можно сказать! Иду я этой весной мимо памятника Ленину, что в Коломне на площади «Двух революций». На его фоне стоит моя «пассия» с группой туристов, она экскурсоводом работает. Остановился неподалёку, чтобы лишний раз на неё поглядеть. Дама она приятная со всех сторон: и посмотреть приятно, и послушать одно удовольствие:

«И вот они вышли на площадь.....несли плакаты... размахивали...», – доносятся отдельные фразы.

– О революции, наверное, рассказывает, о Ленине, – подумал я.

– А вот и Виктор к нам подошел, он, наверное, может рассказать о тех событиях как очевидец!

Вся группа обернулась. С удивлением и уважением туристы уставились на меня. В голове паника. Сказать не помню – маразматик, пытаться объяснить, что я ещё не так стар – глупо.

– Нет, не могу, меня в Коломне тогда не было, мы с Владимиром Ильичом в эмиграции находились!

Приз

Познакомились мы «по обмену». Я тогда менял свою комнату в коммуналке на отдельную квартиру. Оба разведены, стали иногда встречаться. После трех-четырёх встреч получаю записку, телефонов тогда у нас не было: «Виктор Алексеевич, зайдите ко мне, когда сможете. У меня для Вас сюрприз!». Надо сказать, что называла она меня всегда только на Вы и по имени-отчеству, то ли сибирское воспитание сказывалось, то ли бывший муж, капитан речного флота, приучил.

Прихожу, подает она мне светильник-ночник, сделанный из натуральных полудрагоценных камней:

– Сын получил в Свердловске вместе с грамотой за первое место, а я решила его Вам вручить!

– Спасибо, люблю всё натуральное!

– А сын за что получил, чем он занимается?

– Греблей академической, за греблю и получил!

– Молодец! – А про себя подумал, – значит, сын за греблю, а я ...!

Не жизнь – а сказка!

Я на жизнь не жалею, понимаю, что многим, особенно тем, кто живет в деревнях и селах, кто потерял здоровье, кто страдает хроническими заболеваниями, намного труднее. Но такой высокой оценки своего статуса, да ещё от соцзащиты, я не ожидал. Пришел я туда, уже и не помню, по какому вопросу, и в разговоре упомянул, что был в прошлом году в Крыму. Рассказал, что там пенсии стали такие же, как у нас. И пенсионеры крымские были очень этим довольны. На это тут же отреагировал начальник отдела: «Так значит, может все-таки обычный пенсионер за год накопить деньги и съездить на юг, на море? А то ходят, всё бесплатные путевки просят».

– Ой, как хорошо, что напомнили. Хотел как раз спросить, а можно мне, обычному пенсионеру, без всяких льгот, не ветерану труда и войны, получить путевку в санаторий?

– Надо посмотреть, что Вы у нас имеете. Так, пенсия 6420, плюс доплата до прожиточного минимума 420 рублей, да ещё проезд по социальной карте. Я, по своей привычке к точности, добавил, что ещё мне в 2012 году оплатили протезирование зубов.

– Ну, видите, Виктор Алексеевич, да вы у нас «в шоколаде»! Какие ещё вам путевки бесплатные?

Ничего не помню

Визит работников соцзащиты к женщине, проживающей одиноко в собственном доме. Ей 79 лет, слышит плохо, не видит. Сотрудниц соцзащиты узнаёт, ощупывая руками. Комната и двор завалены мусором. Туалета и ванны нет, телефона и телевизора тоже. Есть только радио. В комнате холодно, лежит в одежде под ватным одеялом.

– На улицу-то ходите? Когда последний раз были?

– А чего туда ходить, там зима!

– Может, помыться хотите? Мы воду согреем.

– Нет, не хочу. Летом помоюсь, когда тепло будет!

– Давайте мы вас в центр временного проживания отвезем, там тепло, и уход постоянный будет!

– Это дом престарелых что – ли? Никуда не хочу, мне здесь хорошо!

– Какой месяц сейчас, какое число, хоть знаете?

– Не знаю, а зачем мне?

– Ну, а год помните?

– Не помню, старая я.

– Ну, а кто у нас президент?

И тут неожиданно бодро и чётко:

– Владимир Владимирович Путин!

Рассказы

Я сделал море

Вите исполнилось пять лет, и ему подарили чудесную книгу с картинками. Там были нарисованы и какой-то бородатый старик с сетью в руках, и злобная старуха с корытом для стирки белья, и «тридцать три богатыря», и корабли. Но, главное, – везде было море. Мама читала Вите эти сказки, все было необычно и интересно, но самым необычным, все-таки, было море.

Море – это много, очень много воды. И вся она синего цвета, а по морю бегут волны с белыми завитками, и плавают корабли. Витя был только на реке, но воды там было мало, и была она тёмная, почти чёрная. Наверное, поэтому и называлась Черновой. И никаких кораблей там не было, даже лодок, и тех не было. Ни папа, ни мама никогда не видели моря, никогда не рассказывали о нём. Наверное, оно бывает только в сказках, или в каких-то дальних странах – так думал Витя.

В ванной комнате, где они мылись, а мама стирала на доске белье, он видел порошок. Назывался этот порошок «Синька». От крупинок порошка, попавших случайно в мокрую ванну, появлялись синие пятна. Вите пришла в голову мысль: «Надо набрать побольше воды и насыпать порошок». Он открыл кран и наполнил ванну наполовину. Насыпал порошок. И всё получилось, вода стала синяя, как на картинках в книге.

Витя пустил в ванну пластмассового кита, подаренного тётёй Клавой, затем запустил и мыльницы. Двоюродная сестра – ровесница, гостившая у них, с интересом во всем участвовала. Если болтать в воде руками, то получались и волны, правда, небольшие и без гребешков. Но все это мало походило на настоящее море, не хватало простора. Корабликам – мыльницам некуда было плыть, они просто болтались вверх-вниз на рукотворных волнах. Да и самому хотелось плыть по морю, а не смотреть сверху вниз на кораблики.

Надо пустить воду в комнату, там места намного больше, решил он. Но вода из ванны постоянно вытекала в круглую железную решётку. Из белья, приготовленного для стирки, он взял платок и заткнул эту решётку. Вода сразу же стала прибывать. Витя с сестрой пошли готовить комнату к превращению в настоящее море. За спиной уже раздался шум воды, льющейся через край ванны. Во-первых, он закрыл дверь на кухню, чтобы воды набрать быстрее. Во-вторых, закрыл бельем и половой тряпкой дырки, через которые на первый этаж спускались коричневые трубы.

Вода уже растекалась ручейками по полу. Совсем как весной, когда они пускали самодельные кораблики, сделанные из дерева или коры сосны. Надо и ему приготовить свои корабли. В комнате были венские стулья, но они ему не понравились. Слишком тонкие и гнутые ножки, спинка тоже изогнутая – могут опрокинуться. И он принес из кухни две табуретки, для себя и сестры, которая помогала ему, как могла. Они уселись на табуретки, поставленные посередине комнаты, и стали ждать, когда же поднимется вода. Но вместо воды поднялась, точнее, прибежала, испуганная соседка с первого этажа.

– Витя, что у вас случилось? Да, у вас целое море воды!

Витя, как-то сразу догадался, что рассказывать о своем замысле не стоит.

– Мы купались в ванной, а кран закрыть не смогли.

– Господи, да ты ещё и синьку в воду опрокинул?

– Я случайно, тётя Зина. Не нарочно, просто так получилось.

Как же часто ему придётся в дальнейшем, отвечая на недоуменный вопрос взрослых, «Зачем? Ну, зачем ты это сделал?», прибегать к этим словам: «Случайно», «Не нарочно», «Так

получилось». Но в душе он был доволен, пусть не до конца – поплавать не пришлось – но у него получилось. Ведь первыми словами тёти Зины были: «Господи, да у вас море воды!» Значит, он все-таки сделал море!

Первые опыты жизни

У Вити и его родителей появилась квартира, первая своя квартира в их жизни. Две комнаты, кухня и большой балкон. Дом был маленький, всего один подъезд и два этажа, но очень красивый, светло-желтый с выступающими наружу окнами в большой комнате и деревянными коричневого цвета балконами по краям дома. Рядом, слева и справа, стояли такие же новые недавно построенные дома. На три дома был общий просторный двор с деревянной оградой, отделявшей его от улицы. Места для игр хватало и во дворе. Но за домами были ещё дощатые сараи, где каждая семья хранила дрова и уголь, а кто-то даже заводил мелкую живность, кроликов или кур. Здесь можно было забраться на крышу, сверху было далеко видно вокруг, а потом спрыгнуть на сено или сугроб снега зимой.

А за сараями овраг, в нём потемневшая от времени почти черная городская баня, с задней стороны бани огромная куча угля и горячий котёл от паровоза, в нём греется вода. На гору угля можно было забираться и скатываться вниз. В этом же овраге стояла всегда закрытая кирпичная будка, рядом с ней два огромных бака, в которых булькала вода. По лесенкам можно подняться на бак и заглянуть в открытые люки. Было видно, что вода эта очень грязная и плохо пахнет. На узкой полоске земли между сараями и оврагом кто-то умудрился даже сделать небольшой огород и там, на грядках из навоза, росли огурцы. Всё это было так интересно, везде хотелось полазить, посмотреть: «Что это, из чего сделано и зачем?»

Наступила зима. Приехали бабушка с дедушкой. В Новокузнецке они по-прежнему жили в бараке, и были рады, что хотя бы у одной дочери появилась своя квартира, и можно приехать к ней в гости. В новом доме Вите не нравилось только одно место, это низкое тёмное место под широкой лестницей, ведущей на второй этаж. Когда с улицы открываешь сначала одну дверь, потом вторую, то всегда кажется, что в темноте под лестницей кто-то сидит, и как только сделаешь ещё шаг, то «Он» на тебя набросится. Летом ещё ничего, на улице было светло, при открытой двери было не так страшно в подъезде. Но осенью темнеть стало рано, и, открыв дверь, он бежал как можно быстрее мимо этого страшного места, останавливаясь только на площадке между этажами. Хуже всего, что это место стало его постоянным сновидением, он боялся уснуть, а уснув, просыпался с криком. Вдобавок этот «Он» во сне приобрёл конкретные черты, а именно «Чёрта». О нём он узнал из сказок, которые читали в детском саду, там же увидел его на картинках. И хотя «Чёрт» был маленький, но противный как крыса. Крыса тоже маленькая, ясно, что тебя не съест, ты же больше её, а все равно жутко делается от её усов и зубов, особенно когда неожиданно днём выскочит из сарая. А если вечером, в темноте?

Дедушка появился у них вовремя. Он подарил коробочку с шашками, а доска для игры подошла от шахмат, которые у них были, только играть в них он не умел. Дедушка объяснял так:

– Играть просто, ходи по клеточкам наискосок и перепрыгивай через чужие пешки, если за ней есть свободная клеточка. Перепрыгнул – убирай её с поля, ты как будто её «съел» или «срубил». Кто все чужие «срубил» тот и выиграл!

Витя быстро понял правила игры, стал с дедушкой играть. Всё просто, вот только никак не удавалось «съесть» больше, чем дедушка.

Самое главное, он избавил его от кошмарного наваждения. Мама поделилась с дедушкой своей тревогой:

– Папа, Витя плохо спит, постоянно одно и то же снится, «Чёрт» под лестницей.

– Ничего страшного, со всеми бывает. Подойди-ка ко мне!

Витя подошёл, дедушка положил ему ладонь на голову и начал тихим спокойным голосом говорить непонятные слова:

– Отче наш, иже еси

Повторил эти слова три раза, погладил по голове и сказал:

– Не бойся, Бог с тобой! Больше ничего не будет.

И действительно, больше ему этот страшный сон никогда не снился.

В воскресенье Витя пошёл с бабушкой во двор на прогулку. Взяли санки, чтобы покататься в овраге как с деревянной горки в детском саду.

Когда зашли за сарай, то на месте огорода увидели домик. Настоящий домик с дверью и крышей, только домик белый, и не из бревен, а из снежных шаров, так похожих на брёвна.

– Какой чудесный домик, как в сказке – подумал Витя, и вошёл в него. Там было два окошечка, правда без стёкол, и одна лавочка из снега, покрытая льдом. Витя никогда такого не видел:

– Бабушка, а чей этот домик, кто в нём живёт?

– Это ледяная избушка, зимой живут в ней разные зверушки!

– Какие зверушки?

– Зайчики.

– А где они, почему не видно?

Несмотря на малый возраст, Витя был очень недоверчив. Бабушке пришлось придумать доказательства:

– Они людей очень боятся, не все же люди хорошие, есть и плохие, поэтому днём прячутся. Но можно проверить, живут здесь зайчики или нет.

– А как?

– Давай вернёмся домой за морковкой.

Они сходили домой, взяли две морковки и положили их внутри на лавочку.

На следующий день Витя бегом помчался к избушке. Морковок не было. Значит правда – зайчики здесь живут!

Витя ходил в детский сад. В первый раз мама просто сказала: «Завтра пойдем в детский сад, теперь будем ходить на работу вместе». Что такое детский сад Витя знал, мама работала там воспитательницей.

Он обрадовался, как хорошо, целый день с мамой. Но всё оказалось не так просто, как он себе представил.

Когда пришли в сад, мама отвела его в комнату, подвела к высокой темноволосой женщине и сказала: «Эта Тамара Александровна, твоя воспитательница, надо её слушаться и делать всё, что она говорит!». Пошла к двери, открыла её и... исчезла! Он бросился её догонять: «Мама, мама...!». Догнал в коридоре, схватил за халат. Мама отцепила его руки и строгим голосом сказала: «Запомни, здесь я не мама, а Лидия Васильевна. Не бегай за мной, не хватай за юбку!». Это внушение ей приходилось повторять потом не один раз. Снова отвела его в комнату, а сама пошла в свою группу. Несколько дней он всё-таки бегал за ней, плакал, особенно не выдерживал, когда встречал на прогулке или в раздевалке. Потом привык, но в душе осталось недоброе чувство к детскому саду, не понимал он этих требований: «Зачем заставляют притворяться, зачем заставляют маму называть Лидией Васильевной?».

Конечно, в детском саду было много игрушек, каких у него не было, и быть не могло. Нравились сказки, которые им читали воспитательницы, особенно волшебные с приключениями, нравились утренники и подарки на Новый год, когда единственный раз в году им давали диковинные мандарины. Летом их вывозили на дачу в сосновый бор. Сначала отправляли на дачу вещи. Приезжал грузовик, в кузов грузовика складывали матрасы, одеяла, простыни, кастрюли, горшки. Вся эта кутерьма будоражила воображение, особенно, когда ехали в первый раз. Машина увозила все вещи и возвращалась за детьми. В кузове были скамеечки, на них садились дети, воспитатели и нянечки по бокам, ближе к бортам. Жить в лесу было здорово, сколько животных он увидел впервые в жизни именно там, на даче.

Но за все эти блага, игры и вкусную еду, приходилось расплачиваться – выполнять режим! Особенно не нравилось спать днём, или, хотя бы, лежать тихо и не разговаривать. Не нравилось и вставать рано утром, особенно зимой. Печка к утру остывала, пол и воздух в комнате холодные до того, что невозможно высунуть лицо из-под одеяла и встать голыми ногами на пол, а тебя будоражат: «Витя, просыпайся, вставай, надо в садик!». Темно, кажется, что ночь ещё не кончилась. Только редкие фигурки прохожих, бегущих в морозном тумане в сторону завода, подсказывают, что утро наступило. Тебя укутывают, заворачивают даже в шаль, но холод пробирается через нос, между варежкой и рукавом, через металл самодельных, сваренных из стальных прутьев санок. Согреваешься только во время завтрака, и так мучаются дети два месяца в году, пока стоят самые сильные морозы, по 30—40 градусов. Через три года, в старшей группе у него появились единомышленники. Началось всё с разговоров о том, как надоело ходить в детский сад. Им не нравилось рано вставать, особенно зимой, не нравилось ходить парами за ручку. Хотелось простора, самими придуманных игр во дворах. К лету уже начали думать, что же сделать, чтобы в сад не ходить. Сначала пришла в голову мысль – заболеть! Ведь когда они болели – их оставляли дома. Но сразу поняли, что болеть долго, да ещё всем вместе, не получится. Тогда Витёк предложил радикальный вариант: «Надо сад сжечь! Пока новый построят, мы уже в школу пойдем!» Школа была желанной, представлялась воротами во взрослую жизнь. Мишка принес из дома патрон, Витёк – спички. На прогулке набрали сухой травы и стали носить её в летний туалет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.